

КРИСТАЛ ХЕФНЕР

ПОСЛЕДНЯЯ ДЕВУШКА

PLAYBOY

МОСКВА

КРИСТАЛ ХЕФНЕР

ПОСЛЕДНЯЯ ДЕВУШКА

PLAYBOY

МОСКВА

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
X41

ONLY SAY GOOD THINGS:
SURVIVING PLAYBOY AND FINDING MYSELF

Crystal Hefner

Copyright © 2024 Crystal Hefner

В оформлении переплета использована иллюстрация:
© Pranch / Shutterstock.com (<http://shutterstock.com/>) / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com
(<http://shutterstock.com/>) / FOTODOM

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
© Paul Redmond / WireImage / Gettyimages.ru;
© Charley Gally / Gettyimages.ru.

Слово Playboy используется в названии и тексте книги
как часть личной истории автора
и не является использованием зарегистрированного товарного знака
Playboy Enterprises в коммерческих целях.

Хефнер, Кристал.
X41 Последняя девушка PLAYBOY : как мир мужских
фантазий на 10 лет стал моей тюрьмой / Кристал Хеф-
нер ; [перевод с английского С. А. Горина]. – Москва :
Эксмо, 2025. – 288 с. – (Автобиография-бестселлер).

ISBN 978-5-04-208850-6

В 2008 году 21-летняя Кристал Харрис попадает на вечеринку в известный особняк Playboy. Из сотни молодых блондинок именно ее выбирает сам Хью Хефнер и приглашает познакомиться поближе. Эта ночь меняет жизнь юной Кристал навсегда. Она поселяется в особняке, но за фасадом модных вечеринок и беззаботной жизни в качестве одной из «подружек» знаменитого плейбоя скрывается самая настоящая тюрьма...

Хефнер контролирует своих «подружек» жесткими правилами – от внешнего вида и карманных денег до времени возвращения домой – и ставит их, заставляя бороться за его внимание. Кристал включается в игру и выходит из нее победительницей: на глазах у миллионов зрителей реалити-шоу The Girls Next Door Хью просит стать его женой. Но именно с этого момента жизнь в особняке становится совсем невыносимой...

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Горин С. А., перевод на русский язык,
2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-208850-6

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

THE PROMISE 7

Глава 1

ХЕЛЛОУИН В ОСОБНЯКЕ 25

Глава 2

ПЕРВАЯ КРОВЬ 47

Глава 3

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ НЕЛОВКОГО ПОДРОСТКА 64

Глава 4

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ 73

Глава 5

ШЕЛКОВАЯ ПИЖАМА 85

Глава 6

ХЬЮ ХЕФНЕР ЗОВЕТ 101

Глава 7

ПРАВИЛА ИГРЫ 107

Глава 8

ЗАЧЕМ КУДА-ТО УХОДИТЬ? 122

Глава 9

ЖИЗНЬ КАК НА КАРТИНКЕ 143

Глава 10

ВСЕ ПО РАСПИСАНИЮ 159

Глава 11

ЖЕРТВА 174

Глава 12

ЛЮБИМИЦА АМЕРИКИ 181

Глава 13

СБЕЖАВШАЯ НЕВЕСТА 197

Глава 14

РОЛЬ ЖЕНЫ ИСПОЛНЯЕТ... 218

Глава 15

В БОЛЕЗНИ И ЗДРАВЬИ 230

Глава 16

ЧЕЛОВЕК ЗА ЗАНАВЕСКОЙ! 241

Глава 17

AFTERMATH 255

Глава 18

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС 267

БЛАГОДАРНОСТИ 282

ОБ АВТОРЕ 286

ВСТУПЛЕНИЕ

THE PROMISE

Вчера мне снова снился *его* особняк.

Во сне я изо всех сил мчу за рулем домой, чтобы успеть до комендантского часа. Солнце уже клонится к закату, и в зеркале заднего вида я вижу Лос-Анджелес, залитый золотым светом. Мне страшно до паники, потому что я не знаю, что случится, если я опоздаю. Я знаю, что мне нельзя опаздывать; ужас вцепляется своими когтями мне в глотку. Я давлю на газ, отчаянно пытаюсь вовремя явиться в тот самый дом в готическом стиле, покрытый плющом, стоящий в окружении секвой, до того, как часы пробьют шесть. Но, как это обычно бывает во сне, все движется ужасно медленно, как в замедленной съемке, все такое странное и незнакомое, а дорога простирается до самого горизонта. Во сне я понимаю, что опоздаю. Я знаю, что дорога, по которой я еду, не приведет меня туда, куда мне надо.

Я знаю, что я заблудилась.

Я просыпаюсь с давно знакомыми ощущениями: страх, тошнота, тревога.

Я уже много лет как покинула *его* особняк. Я не была там с того самого дня, когда не стало моего мужа. Он умер — я ушла, и ноги моей там не было. Но, кажется, мое сознание, мой разум по-прежнему там. Я думаю об особняке гораздо больше, чем мне бы того хотелось. И не только когда он мне снится.

Во многих смыслах я все еще пытаюсь оттуда сбежать.

Я всегда должна была быть дома не позднее шести часов. Если я опаздывала, то начинались проблемы. Он расстраивался. Он звал меня по имени, крича на весь дом. Сотрудники особняка начинали судорожно звонить мне по телефону ровно в 18:01, хотя в это время я уже пробиралась по длинной извилистой дорожке, огибая высокий каменный фонтан, увенчанный херувимом, который смотрел на меня пустыми мраморными глазами. А потом я вбегала в дом, толкая тяжелую деревянную дверь, и шла искать Хефа, чтобы поцеловать его в щеку и показать ему: вот она я, я дома, я придерживаюсь правил.

Я хорошая девочка.

Почти десять лет особняк «Плейбой» был моим домом. Но домом он был чисто технически. Он был местом, где я всегда была посетителем.

Как отель, в который я заселилась, но никак не могла уехать. Как сцена, на которой я выступала под взглядом множества незнакомых глаз. Иногда мне казалось, что я попала в прошлое. Хеф еще в семидесятых обставил дом по высшему разряду, и все выглядело точно так же, как и тогда: ковры с высоким ворсом, деревянные панели и люстры, тяжелые бархатные портьеры. Мне не разрешалось ничего менять.

Лишь одно место мне удалось сделать своим: крошечная комнатка, которую мы называли *Vanity*, «комнатой тщеславия» — по сути, просто кладовка, но с небольшим количеством длинных и узких окон. Комнатка тщеславия находилась рядом с главной спальней, или хозяйской спальней, как ее называл Хеф. В комнатке была хлипкая дверь, которая задвигалась, но не запиралась.

Там было достаточно места для небольшого встроенного стола и стула. Это было моим маленьким убежищем, местом, где можно было побыть одной и без присмотра. В особняке в каждой комнате всегда кто-то находился: другие девушки, гости вечеринки, персонал. На диване рядом, неловко прислонившись ко мне, сидел друг Хефа. В коридоре стоял знаменитый киноактер, который хотел меня облапать. Ни одну дверь я запереть не могла, потому что все ключи были копиями. Разумеется, у Хефа был ключ от всех дверей в доме, и этот ключ гарантировал, что никто и никогда не сможет его запереть. Это был его мир, и он владел ключом от всех и вся.

В комнатке тщеславия же я могла по крайней мере на несколько минут положить голову на руки и перестать притворяться. Перестать каждую секунду беспокоиться о том, как я выгляжу.

Правильно ли я улыбаюсь. Правильная ли у меня поза. Одеты ли я в соответствии с тем, как ему нравятся.

Правильная ли у меня прическа.

Достаточно ли идеальна моя грудь.

Как я выгляжу по сравнению с другими женщинами. Вокруг всегда были другие женщины. Нам ясно давали понять, что это было соревнование.

В комнатке тщеславия я выкраивала короткие моменты, маленькие сияющие мгновения, когда я могла глубоко вздохнуть и выйти из «рабочего режима». Утомительно ежедневно и еженощно играть чужую роль. Ты утомляешься и физически, и умственно до такой степени, что кажется, что сама твоя душа вымоталась до предела, словно твоя батарейка жизненной энергии разрядилась.

Окно маленькой комнатки тщеславия на втором этаже выходило на лужайку, где расхаживали павлины и сновали разномастные служащие со стульями, тарелками с едой и ящиками с вином, готовясь то к одной, то к другой вечеринке. Вокруг окна рос плющ, который, как в сказке, густо покрывал каменную кладку. Иногда я представляла себя Рапунцель, запертой в своей башне и ждущей, что кто-то ее спасет. Но на помощь так никто и не пришел. И забралась я в свою башню добровольно.

Тогда я еще не знала, что могу спастись сама. Я не всегда понимала, что меня нужно спасать, но я знала, что я в ловушке.

Павлины на лужайке были красивы, но территорию свою охраняли ревностно, особенно во время брачного периода. Временами их крики были похожи на кошачьи вопли, а временами на женские, раздававшиеся в моей маленькой каморке, и даже при закрытом окне я слышала их жалобные голоса в своем сознании. «На помощь, на помощь», — раздавались их крики и причитания; по крайней мере, мне так казалось.

Иногда я думаю обо всех женщинах, которые сидели за этим столиком; все мы верили, что это крошечная, душная каморка олицетворяет собой не-

что гораздо большее. Успех. Гламур. Свободу. Холли даже вырезала свои инициалы на богато украшенном дереве, пока, спустя годы после свадьбы, я не заставила их сошлифовать. Я не стала взамен оставлять свои. Стол был чем-то постоянным в доме, где я была чем-то временным. Там я находилась, но он не был моим домом. В этом огромном, роскошном особняке вообще мало что было моим.

Целых десять лет своей жизни я провела в особняке «Плейбой». Сначала я была просто гостьей — девушкой с большими звездами в больших, наивных глазах, на вечеринке. Затем я стала «подружкой». Я стала членом, пожалуй, самого громкого и заметного гарема нашего времени. Я стала девушкой с разворота журнала — вершина успеха в мире «Плейбой» на газетных киосках по всей стране. Я стала невестой одного из самых могущественных, противоречивых, легендарных мужчин в глазах общественности. А потом я ушла и стала его «сбежавшей невестой» — единственной, за кем он когда-либо гонялся. А потом я стала его женой. В конце концов я стала его сиделкой. А когда он умер, я стала вдовой и символом. Официально, сначала как вице-президент, а затем как президент правления Фонда Хью Хефнера, я занималась тем, что помогала фонду получать хорошее финансирование и пользоваться заслуженным авторитетом. Неофициально же я была обязана воплощать собой миф о «Плейбое», служить воплощением мифа о Хью Хефнере. На протяжении более семи десятилетий он прилагал столько усилий, чтобы контролировать представление о том, кем он был, каким он был. Он считал, что самое ценное, что

он мне оставил, — это возможность обессмертить свою историю после смерти.

До сих пор я поведала лишь малую часть своей истории. Я рассказывала только о блестящих, гламурных подробностях — о том, что люди хотели услышать. Только хорошее. Отчасти это происходило потому, что я не хотела изображать себя жертвой. Отчасти потому, что не хотела расстраивать его семью. А в основном потому, что я дала Хефу слово.

В последний год моего пребывания в особняке Хеф хотел, чтобы я всегда была рядом с ним. Я всегда должна была быть дома не позже определенного часа, но со временем этот час наступал все раньше и раньше. Когда он не знал, где я, то поднимал на ноги весь персонал. Хеф был хрупким и усталым, но о смерти говорил редко.

Единственное, что он хотел до меня донести, — это то, что он хочет быть похороненным в мемориальном парке Вествуд-Виллидж рядом с Мэрилин Монро. Еще в девяностые годы он приобрел склеп за семьдесят пять тысяч долларов. Он сказал, что ему наплевать на то, как пройдут сами похороны; все эти детали он оставляет на мое усмотрение.

«Меня там не будет, — все, что он сказал. — Делай что хочешь». Все, что его волновало, — это то, что он окажется в том месте, которое купил, рядом с местом Мэрилин. Она была первой женщиной, которая украсила обложку «Плейбоя» и появилась на его страницах обнаженной. Он поместил ее туда без ее согласия после того, как купил фотографии у какого-то издания, выпускавшего календари. Она не получила ни цента. И у нее уж точно не было возможности решать, чьи кости будут лежать рядом с ее костями до конца дней.

Я промолчала. Если он этого хотел, значит, так тому и быть. Хеф всегда получал то, что хотел.

Он часто говорил мне, что любит меня.

Он говорил, что будет ждать меня в другой жизни. Я пыталась воспринимать это как нечто приятное, но это чувствовалось как ярмо, практически как угроза.

Днем я часто каталась на машине, просто чтобы выбраться из этого дома. Каждый раз, когда я садилась за руль, я думала о том, как мне не дали уйти. О том, как мне пришлось пробираться мимо охранников, чтобы сбежать. И о том случае, когда я по своей воле вернулась обратно.

Я колесила по Лос-Анджелесу, городу, который я плохо знала, потому что на протяжении десяти лет меня не выпускали из особняка. Однажды я доехала до самого Сан-Диего через грязные кварталы, в которых я выросла, переезжая из квартиры в квартиру после смерти отца; мимо шикарных кварталов, где мы жили, когда моя мама встречалась с кем-то богатеньким.

Я проезжала мимо кампуса колледжа, в котором когда-то училась на специальности «психология», мечтая помогать другим. Я проезжала мимо крошечной квартирки, в которой когда-то жила. Я проезжала мимо кладбища, где много лет назад была похоронена моя первая любовь, когда мы оба были так молоды. Я ехала на пляж, где мой отец любил рыбачить — он всегда любил океан. Я проезжала через все потери, горе, растерянность и ошибки, которые я совершила. В этот момент я задумалась, кем бы я стала, не отвези меня как-то одной ночью автобус особняка «Плейбой» на вечеринку в честь Хеллоуина. Мой выбор — моя ответственность, однако цена была гораздо выше, чем могла себе представить двадцатиоднолетняя я.

Во время таких поездок я иногда звонила маме — она была одной из немногих людей, кому я могла по-настоящему довериться. В особняке у меня не было настоящих друзей. Каждый мог ударить тебя в спину, будь на то хоть мизерный шанс. Все шпионили друг за другом. У нас с мамой были как хорошие, так и плохие времена, но я всегда могла ей доверять. Я рассказывала ей о том, что чувствую себя в ловушке, что меня охватывает паника, что иногда мне трудно дышать, словно моя грудь обтянута железным ободом, который не дает по-настоящему вздохнуть.

— Доченька, — каждый раз говорила она мне, — у тебя есть деньги. Тебя там никто не держит. Просто собери свои вещи и уезжай!

— Я не могу его бросить, — отвечала я ей. А потом давила на газ, потому что боялась, что меня не будет слишком долго. И потому что я знала, что однажды уже сбежала и понятнее для меня ничего не стало.

Когда-то давно я отчаянно нуждалась в Хью Хефнере, а потом, позже, он отчаянно нуждался во мне.

Девяносто первый день рождения Хью Хефнера, состоявшийся в апреле 2017 года, стал для него последним. Он был таким же, как и все предыдущие свои дни рождения. Темой, как всегда, была «Касабланка». Он любил старые фильмы, черно-белую классику, где женщины были типичными беспомощными барышнями, а мужчины — мужественными и сильными, но «Касабланка» была его любимым фильмом. Мы показывали его каждый год в день его рождения в кинозале, где все гости были в костюмах: мужчины в белых смокингах, женщины в облегающих платьях в стиле 1930-х годов. Столовая была